

Постников В.С., Постников С.В.
ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ в XVII – 1-й пол. XIX в.:
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВОЕННОГО
РЕФОРМИРОВАНИЯ

Как известно, Смутное время практически свело на нет результаты военной реформы XVI в., проведенной Иваном IV Грозным. Российская армия, считавшаяся одной из самых сильных, потерпела ряд поражений от Речи Посполитой, Венгрии и Швеции. Да и сама Россия чуть было не потеряла свой суверенитет: ее ожидала участь задворок второстепенной европейской державы – Польши.

Только русский патриотизм и беззаветная верность древним идеалам смогли преломить сложившуюся ситуацию и начать очередной этап строительства российских вооруженных сил.

После окончания Смутного времени совершенствование военной системы государства возобновилось. Это стало возможным в ходе преобразований в XVII в., проводимых первыми царями династии Романовых. Изменениям подвергались только некоторые стороны военной системы. Основным содержанием преобразований стало развитие системы военного управления и создание воинских частей по западноевропейскому образцу.

Важнейшими условиями их проведения являлись: достижение не только политического, но и экономического единства России; окончательное оформление системы крепостного права, резкое обострение классовых противоречий, классовой борьбы в стране и необходимость ее подавления военной силой; необходимость иметь в руках самодержавной власти, которая к концу XVII в. начинает перерастать в абсолютизм, постоянную, надежную армию; длительные и тяжелые войны, которые вела Россия в XVII в. с Польшей, Швецией, Турцией, Крымом. Они диктовали необходимость дальнейшего совершенствования вооруженных сил страны.

Военные преобразования в России в XVII в. прошли ряд этапов. В 30-е гг. XVII в. наряду с дворянским конным ополчением и стрелецким войском появились новые воинские формирования – так называемые «полки нового строя», или полки иноземного строя. Они создавались по образцу западноевропейских армий: солдатские полки (пехота), рейтарские и драгунские полки (конница).

Сначала такие полки комплектовались путем добровольного найма служилых и военных людей на случай войны или несения пограничной службы, а в сер. XVII в. правительство перешло к принудительному набору «даточных людей». Набор был из расчета один человек от 20–25 крестьянских или посадских дворов. «Даточные люди» набирались на пожизненную службу в военное время, а в мирное время часть их отпускалась по домам. Эта система предвосхищала рекрутскую систему комплектования русской армии, введенную в нач. XVIII в. Петром I.

Совершенно определенно московское правительство осознало

необходимость обучения войск европейскому строю; в 1630 г. государева грамота, обращенная к ряду городов, призывает в Москву детей боярских обучаться ратному делу у немецких полковников А. Лесли и Ф. Пецнера. Предполагали создать два полка пехоты, обученных европейскому строю, каждый в 1 тыс. человек.

Однако детей боярских, желавших поступить в солдатский строй, оказалось недостаточно. Тогда решено было брать всяких охочих людей. Вместе с тем среди иноземцев, служивших в России, оказалось недостаточное число годных к «преподавательной» работе, и было послано за ними за границу.

В 1632 г. у нас появились четыре солдатских пехотных полка и один рейтарский общей численностью 9500 человек, из которых 6500 русских и 3000 иноземцев.

Среди нововведений следует отметить: полк впервые был разделен на роты; появляются чины:

а) полковник;

б) большой полковой поручик, т.е. подполковник;

в) майор;

г) капитан (ротмистр);

д) поручик;

е) прапорщик (т.е. установилось чинопроизводство, не имеющее ничего общего с чинами старых русских войск).

Каждому из названных иноземных чинов соответствовала строго определенная строевая должность со строго регламентированными обязанностями; отменялось прежнее исключительное право разных сословий на известные привилегии по службе; к офицерским чинам предъявлены новые требования, а именно: «мудрость и доброискусность», т.е. знание и умение, а не только родовитость происхождения, как было до сих пор; первые солдатские полки дали возможность подготовить такие же полки исключительно из русских.

Для этого одновременно с иноземцами в полки был назначен второй состав офицеров всех чинов из русских. Польза опыта сначала была ничтожна, но сын боярский все же стал привыкать носить иное звание с более определенными служебными обязанностями и находиться, уже не по бедности, под началом иноземца [2, с. 85].

К концу царствования Федора Алексеевича полков «иноземного строя» было уже 63, а именно: 38 пеших солдатских; 25 конных драгунских (копейно-рейтарских).

Общая численность этих полков достигала 90 тыс. человек, из них 60 тыс. русских (т.е. две трети от числа иноземцев).

Вместе с тем количество стрельцов в войсках стало увеличиваться: в кон. XVI столетия их насчитывалось ок. 15 тыс., а в начале посл. четв. XVII столетия – 20 тыс., да кроме того, городовых стрельцов 30 тыс.

Ратные люди иноземного строя разделялись на следующие роды:

1) рейтары и копейщики;

2) драгуны;

3) солдаты.

Если сначала в числе их были только иноземцы, то потом:

1) «гулящие некрепостные люди»,

2) дворяне, дети боярские, иноземцы и новокрещенные.

Рейтары были конницей. Драгуны несли службу пешую и конную.

Солдаты являлись пехотой.

Войска иноземного строя устраивались по западноевропейским, главным образом немецким, образцам.

Рейтары, драгуны и солдаты соединялись в полки численностью от 1000 до 1500 человек.

Полки делились на роты. В солдатских полках были роты мушкетерные и пикинерные, или роты копейщиков. Пикинерные роты составлялись из отборных солдат.

При полках была полковая артиллерия, 6–8 орудий при каждом. Такое же количество полковых пушек было и при стрелецких полках, а при остальных – не более пяти пушек в каждом.

Во главе каждого полка иноземного строя стоял полковой полковник. Ближайшим помощником его и заместителем был полковой поручик или подполковник. В каждом полку был полковой сторожеставец и полковой станоставец. Первый (впоследствии майор) был старшим офицером штаба полка и ведал походными движениями, расположением на отдых, внешним охранением, поддержанием внутреннего распорядка и безопасности и разведыванием. Он являлся вторым заместителем командира полка. Полковой станоставец (впоследствии квартирмейстер) был помощником сторожеставца и его заместителем.

Во главе каждой из рот полка стоял в пехоте капитан, а в коннице – ротмистр. Помощником их являлся поручик. Младшим офицером в роте был прапорщик.

Указанный состав отразился и на войсках русского строя. Бывший стрелецкий приказ, численность которого была увеличена с 500 до 1000 человек, с 1680 г. стали называть полком, голову – полковником, помощника головы, называемого раньше полуголовой или пятисотенным, – подполковником. Ротам соответствовали стрелецкие сотни. Их командиров называли также капитанами.

В полках иноземного строя все офицеры – до капитана и ротмистра – были из иноземцев, прочие же офицеры сначала тоже только из иноземцев, а затем часть уже была и из русских.

Соединений выше полка в войсках иноземного строя не было, но все-таки явилась необходимость установить по иноземному образцу генеральские чины. В самом нач. XVII столетия у нас введены три генеральских чина: генерал-майор, генерал-поручик и генерал.

Высшим соединением войск является армия, действующая в боевых условиях по известному заданию.

Армия делилась на разряды (современные корпуса). Вся европейская

часть страны делилась на 9 разрядов. На территории каждого из них находилось в мирное и военное время постоянное войсковое соединение из нескольких «полков нового строя» и стрелецких полков. Из них формировалось необходимое для страны войско.

Разряды состояли из войск различных родов и видов; понятию разряда в то время соответствует также и «Большой полк». Разряды делились на полки в прежнем широком смысле, т.е. вроде современных дивизий, из нескольких родов и видов войск.

Эти полки, в свою очередь, состояли из нескольких полков, в современном нам смысле – отдельных строевых и хозяйственных единиц.

«Полки нового строя» являлись постоянным войском и имели элементы регулярной армии: единообразное военное устройство, однотипное вооружение и обмундирование, полное государственное обеспечение, систематическое военное обучение.

В 80-е гг. XVII в. проводится реформа, имевшая целью дальнейшую централизацию комплектования и управления вооруженными силами страны.

В 1680 г. была усилена централизация управления вооруженными силами страны. Если до этого управление войском осуществляли многочисленные приказы, то теперь оно было сосредоточено в трех приказах: Разрядном, Рейтарском и Иноземном. Во главе всех этих государственных органов был поставлен боярин князь М.Ю. Долгорукий.

Важную роль в укреплении системы управления войсками сыграли события 1682 г., особенно отмена местничества, существовавшего в России несколько веков и нанесшего огромный вред ее вооруженным силам. Это давало возможность в руководстве вооруженными силами на первый план выдвигать людей не по их знатности, а по служебным успехам, заслугам и воинскому таланту.

Ручное огнестрельное оружие в кон. XVII в. стало менее длинным и тяжелым, а потому и более удобным. В частности, это удобство было достигнуто заменой фитильно-колесного замка замком ударно-кремневым. В то же время вновь появляются отдельные образцы ружей, заряжаемых с казенной части, нарезных и даже подобных нашим скорострельным ружьям.

Главными видами ручного оружия были пищали, карабины и пистолеты, известные еще в XVI в., затем появились мушкеты довольно большого калибра, из которых стреляли с вилообразной подставки.

Хотя у нас постепенно и развивалось производство огнестрельного ручного оружия, но все же в основном приходилось выписывать его из-за границы. Холодное оружие (сабли, шпаги, пики, топоры, бердыши, копья и мечи) тоже закупалось в Западной Европе.

Наконец, существовало предохранительное снаряжение (шишак, латы и панцири).

Поместная конница и городские войска были вооружены пищалями, карабинами, пистолетами и саблями, стрельцы – мушкетами, бердышами и саблями, первые сотни в полках – копьями и мечами.

Рейтары имели шишаки, латы или сабли, мушкеты или карабины и

пистолеты; драгуны – мушкеты или карабины, шпагу и топор или бердыш; солдаты: мушкеры – мушкеты, шпаги; пикинеры – латы, шишаки, шпаги и длинные копья.

У драгун оружие было казенное.

Рейтары, имевшие поместье, должны были выезжать на службу на собственных лошадях и содержать себя сами. Не имевшие собственных доходов получали на время похода жалованье, одежду и лошадь.

Драгуны получали от казны лошадей, все снаряжение, денежное жалованье, довольствие и одежду.

По окончании похода драгуны отсылали лошадей со всем конским снаряжением по областям на кормление жителям, по одной на четыре двора.

Солдаты жили в особых солдатских слободах, где им давались дворы, в которых они жили с семьями. Как в мирное, так и в военное время они должны были обеспечивать себя всем необходимым самостоятельно, для чего получали жалованье.

Рейтары в мирное время были свободны от службы и жили по своим поместьям. Осенью, после уборки хлеба, они собирались по царскому указу для ратного обучения в областные города. Для этого из Москвы высылались в соответствующие города рейтарского строя полковники. Обыкновенно сбор рейтаров продолжался около месяца.

Драгуны по окончании похода распускались по домам и в мирное время ни в какие учебные сборы не собирались.

Обучение солдат производилось так же, как и рейтаров.

Для солдатских полков в царствование Алексея Михайловича был издан в 1647 г. устав. Устав этот носил название «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». Будучи весьма любопытным историческим документом, он однако за 10 лет был продан всего в числе 134 экземпляров. Очевидно, на него смотрели только как на пособие.

Походные движения совершались в прежнем порядке: впереди и по сторонам – конница для разведки и дальнего охранения. Непосредственно впереди – авангард, составленный из наиболее надежных войск. За авангардом – главные силы с артиллерией в середине и обозами сзади. Обозы были громадные, что стесняло армию: шли не более 10–15 верст в день.

Войдя в соприкосновение с противником, армия всегда старалась двигаться таким образом, чтобы быть готовой принять оборонительный бой. Для этого необходимо было двигаться сосредоточенно, дабы скорее «стать в обоз», т. е. окружить себя повозками. Следствием этого явилось движение вблизи противника, где только позволяла местность, конницы впереди и по сторонам, а пехоты с артиллерией и обозами – позади и внутри. Так выработалось движение, известное под именем «полкохождение».

При встрече с противником пехота с артиллерией спешила укрыться за обозами или в гуляй-городе, а конница стремительно бросалась на неприятеля «казацким обычаем», беспорядочно густой толпой. В случае неудачи конница по-прежнему укрывалась за пехоту, и последняя уже выдерживала удар, стараясь только отбиться от нападения.

Вообще, наши войска охотнее прибегали к бою за укреплениями и в крепостях и удачнее выдерживали осады, чем полевые сражения. За окопами они выказывали чрезвычайную стойкость, а в поле для наступательного боя уже не обладали достаточным порывом. К этому необходимо добавить, что сторожевая служба не отличалась бдительностью, что нередко вело к неожиданным нападениям противника и к поражениям русских войск, причем артиллерия и обозы часто попадали в руки неприятеля.

Порядок в войсках и дух их в XVII в. значительно упали вследствие утомления и изнурения от долгих войн и потрясений государственной жизни. Обеднение привело к плохому вооружению и снаряжению. Существует много суровых отзывов о наших войсках того времени. Но ведь те же войска все же вели войны с Польшей и Швецией, сберегали Россию от татар и казаков, держали порядок внутри... Временный упадок не погубил нас, он только доказал необходимость преобразований в армии, что и предпринял царь Петр, а вслед за этим явились «славный век Екатерины» и «чудо-богатыри Суворова»...

В общем, XVII в. в истории нашего военного искусства является подготовительным, переходным. Только благодаря работе, проделанной в XVII в., явилась возможность произвести те нововведения в военном деле гениального Петра, необходимость которых диктовалась самим временем.

В 1-й четв. XVII в. был осуществлен целый комплекс реформ, связанных с перестройкой центральных и местных органов власти и управления, областей культуры и быта, а также происходит коренная реорганизация вооруженных сил.

По замечанию видного русского историка Василия Ключевского: «Военная реформа была первоочередным преобразовательным делом Петра, наиболее продолжительным и самым тяжелым как для него самого, так и для народа. Она имеет очень важное значение в нашей истории; это не просто вопрос о государственной обороне: реформа оказала глубокое действие и на склад общества и на дальнейший ход событий» [3].

Почти все изменения, происходившие во время правления Петра I, имели огромное прогрессивное значение.

Целью реформы были прежде всего решение внешнеполитических задач, укрепление могущества империи, поддержка крепостнических порядков и власти дворянства. В ходе военных реформ Петра I была упразднена прежняя военная организация: дворянское, стрелецкое войско и «полки нового строя». Эти полки, позже гвардейские Семеновский, Измайловский, Преображенский, вошли в состав регулярной армии и стали не только ее наиболее боеспособными частями, но и военно-учебными центрами.

Прежде всего была изменена система комплектования армии. С 1699 г. вводится рекрутская повинность, узаконенная указом Петра I в 1705 г.

Важным шагом на этом пути стала организация Петром I в 1683 г. «потешных» отрядов, из которых в 1691 г. было создано два новых полка – Преображенский и Семеновский. Эти полки, через которые прошли все

будущие высшие офицеры и сановники, стали кузницей офицерских кадров. Кроме того, были созданы еще два выборных московских полка – Бутырский и Лефортовский. Основу же русской армии того времени составляло стрелецкое войско. Однако уклад жизни стрельцов, наличие у них хозяйства снижали их значение как боевой силы. Кроме того, они были недостаточно надежны, часто превращаясь в орудие дворцовых интриг. Стрелецкий бунт 1698 г. ускорил роспуск стрелецких полков. Вместо них в конце 1699 г. сформировали две дивизии: А.М. Головина и А.А. Вейде (состоявшие из 18 пехотных и 2 драгунских полков). На укомплектование этих дивизий были направлены офицеры и солдаты расформированных рот полков «нового строя» (в основном 1-го и 2-го Московских выборных полков). Они составили основу новой русской армии. Остальная часть солдат пополнялась путем набора даточных людей (с 1705 г. их стали называть «рекрутами»).

В 1699–1700 гг. был проведен централизованный набор рекрутов для пехоты, а окончательно русская армия перешла на рекрутскую систему в 1705 г. Юридически начало регулярной армии Петра I положено было указами от 8 и 17 ноября 1699 г., где были названы основные источники формирования новых полков: «охочие люди» (которым назначалось высокое жалованье – почти вдвое выше бывшего стрелецкого) и «даточные люди». По указу от 17 ноября от монастырских крестьян надо было поставлять 1 рекрута с 25 дворов; дворяне, находившиеся на гражданской службе, поставляли 1 рекрута с 30 дворов; с 50 дворов 1 рекрута давали дворяне, служившие в армии.

Для проведения наборов, комплектования частей, обучения рекрутов в селе Преображенском был учрежден «Генеральный двор». В итоге из охотников и даточных людей было создано 27 пехотных и 2 драгунских полка (ок. 32 тыс. человек), которые были сведены в 3 дивизии (А.М. Головина, Н.И. Репнина, А.А. Вейде). Рекрутские наборы проводились по мере надобности и объявлялись особыми указами, в которых указывалось необходимое количество: в 1700 г. было набрано 30 тыс. рекрутов, в 1702 – 11,5 тыс., в 1703 – 12 тыс., в 1706 – 34 тыс., в 1707 – 35 тыс., в 1708 – 36,4 тыс. С 1705 до 1713 г. (во время Северной войны) было проведено 10 рекрутских наборов, которые дали армии около 400 тыс. человек. Воинская повинность была распространена на самый многочисленный слой населения – крестьянство – и одновременно служба стала пожизненной и постоянной. Отставка давалась только больным и увечным.

Рекрутов сразу же начинали обучать ратному делу, стремясь создать воинские подразделения, легко управляемые и дисциплинированные. На смену прежним ежегодным смотрам и редким учебным стрельбам пришла постоянная подготовка, ориентированная на активное ведение боевых действий.

Первоначальное обучение солдаты проходили на специальных «станциях», где постоянно находилось 500–1000 рекрутов. Обучение проходило в условиях, близких к бою, в поле и обязательно офицерами, причем процесс обучения солдат являлся одновременно проверкой

подготовки самого офицера. Со временем «станции» стали своеобразными центрами подготовки резерва для действующей армии – прошедших подготовку направляли на пополнение существующих полков и формирование новых.

Руководство военным обучением было поручено А.М. Головину и А.А. Вейде. Обучение офицеров и солдат должно было осуществляться по артикулу – единому строевому уставу. Таким артикулом стало «Строевое положение 1699 г.», которое затем было дополнено и под названием «Краткое обыкновенное учение...» оставалось официальным строевым уставом до 1716 г. Была сделана первая попытка создания единых строевых правил:

- 1) введены две категории обучения – для старослужащих и новобранцев;

- 2) значительно уменьшено количество перестроений и ружейных приемов;

- 3) выработаны простые, четкие команды и доходчивый командный язык.

В 1699–1700 гг. были также составлены два уставных документа: «Ротные пехотные чины» и «Статьи воинские, как надлежит солдату в житии себя держать, в строю и учении как обходиться». Соответственно с изменением стратегии и тактики подверглась ревизии и концепция подготовки войск к боевым действиям. В 1716 г. накопленный опыт был обобщен в Уставе воинском, в 1722 г. Петр I лично составил к нему дополнения. Основной мыслью Устава было требование, чтобы войска проявляли инициативу и действовали самостоятельно согласно обстановке.

К офицерам предъявлялись высокие требования. По Уставу 1716 г. офицер был носителем воинской чести, должен был быть храбрым и хорошо подготовленным. Для повышения уровня подготовки офицерского корпуса Петр I начал создание системы военно-учебных заведений: в 1700 г. при бомбардирской роте Преображенского полка была учреждена первая военная школа, где будущие офицеры-артиллеристы обучались начальной математике, артиллерии, правилам стрельбы, фортификации.

Офицерский вопрос разрешался сложнее. От офицера Петр требовал основательных познаний строевого дела и высоких нравственных качеств. Огромный контингент офицеров составляли дворяне, прошедшие службу в рядах армии в звании нижних чинов и отличавшиеся знанием солдатского дела; такое знание давало право на офицерский чин и нижним чинам недворянского происхождения. Кроме того, приходилось привлекать на службу иностранцев, но последние при Петре Великом играли роль инструкторов. Производимый в офицеры подвергался предварительной баллотировке, в которой участвовали все офицеры полка; только лица, получившие отличное образование, освобождались от баллотировки.

Почти одновременно с возникновением у нас регулярной армии получают начало различные военные школы, подготовляющие офицеров. Первая школа возникла в 1700 г. при бомбардирской роте. В 1701 г.

учреждается в новой столице инженерная школа, а два года спустя там же появляется особая школа при лабораторном доме, в которой получают подготовку офицеры-артиллеристы. Таким образом, первые возникшие у нас военные школы приспособлены были для подготовки офицеров в специальные рода войск и во флот.

Вместе с учреждением школ возникает у нас специальная военная литература. Сперва появляются учебники по математике, артиллерии и фортификации. Вскоре появилось переведенное Минихом с французского языка лучшее руководство по артиллерии «Записки Сен-Реми».

Офицеры производились в следующие чины по вакансии, причем кандидаты подвергались баллотировке: при производстве в обер-офицеры в баллотировке участвовали все офицеры полка; в штаб-офицеры – все штаб-офицеры дивизии.

Царь Петр оказывал высокое доверие офицерам своей армии и привлекал их к участию в управлении не только армией, но и государственной жизнью.

Особое внимание правительство императора Петра I придавало формированию национального офицерского корпуса. Он комплектовался преимущественно из дворян. Военная служба начиналась с 15 лет (русская традиция). До получения офицерского чина дворянин обязан был десять лет прослужить рядовым в гвардейских или армейских полках. Дворянин-гвардеец жил как солдат, в полковой казарме, получал солдатский паек и исполнял обязанности рядового. Устав воинский 1716 г. гласил: «Шляхетству российскому иной способ не остается в офицеры происходить, кроме что служить в гвардии». При Петре I впервые создаются в России учебные заведения для подготовки морских, артиллерийских, инженерных и других офицеров-специалистов.

Вводятся единая система воинских званий с западноевропейскими характеристиками и твердые основы прохождения службы, закрепленные в «Табели о рангах» 1722 г. Служебная лестница включала 14 рангов от фельдмаршала и генерал-адмирала до прапорщика. В основу службы и чинопроизводства Табель о рангах положила не социальное происхождение, а личные способности, образование, опыт, грамотность, храбрость офицера. Кроме того, обеспечивалась возможность производства в офицеры выходцев из низших сословий. Для всех, кто получал офицерское звание на службе, давалось потомственное дворянство.

Дореформенные «приказы» в царствование Петра Великого преобразованы были в военную коллегию. Последняя сформировалась лишь к концу царствования и начала действовать только с 1 января 1720 г. Первым президентом военной коллегии был светлейший князь А.Д. Меншиков. Военной коллегии было предписано «ведать армию и гарнизоны и все военные дела, которые были веданы в военном приказе и которые прилучается во всем государстве». Однако военная коллегия не объединила под своим началом всю организацию управления армией. Совершенно независимым учреждением остался Комиссариат, ведавший всеми

заготовлениями и снабжениями; в косвенном подчинении осталась Артиллерийская канцелярия, ведавшая материальной частью артиллерии.

Боевая обстановка, в которой оказалась с первых дней существования молодая петровская армия, сразу же указала Петру на важное значение единовластия в армии. После несчастной Нарвской операции, вскрывшей недостатки того, что главнокомандующий не обладал достаточными полномочиями, царь Петр устанавливает единовластие главнокомандующего. В воинском уставе 1716 г. были подробно и точно регламентированы обязанности главнокомандующего.

Руководство армией в военное время вверялось генерал-фельдмаршалу, который, обладая полной властью, подчинялся лишь царю и обязывался в особых случаях собирать военный совет. В последнем Петр видел совещательный орган.

Генерал-фельдмаршал мог иметь помощника – генерал-фельдмаршал-лейтенанта. Помощниками главнокомандующего являлись: генерал-фельдцейхмейстер, генерал от кавалерии и генерал от инфантерии, генерал-кригс-комиссар, генерал-квартирмейстер и другие чины.

При главнокомандующем формируется штаб армии. Чины квартирмейстерской части выполняли те работы, которые теперь возлагаются на офицеров Генерального штаба.

Военная реформа устанавливала новую организационную структуру войск и единые штаты.

Вооруженные силы состояли из полевых армий, гарнизонных войск, ландмилиции; иррегулярных частей.

Организация петровской армии была такова.

Пехота по штатам, объявленным в 1711 г., состояла из двух гвардейских, 40 полевых армейских полков, пяти гренадерских.

К этому штату в 1721 г. было прибавлено девять новых полков, составивших так называемый Низовый, или Персидский, корпус.

Полк делился на два батальона, батальон на четыре роты; в полку 40 штаб- и обер-офицеров, 80 унтер-офицеров, 1 120 строевых рядовых и 247 нестроевых.

Состав роты: четыре офицера, десять унтер-офицеров, 150 рядовых.

Первоначально нестроевые в полку составляли 17% общей численности, но к концу царствования число нестроевых понизилось до 14%.

Разницы в составе полка по мирному и военному времени не существовало.

Боевая сила полевой пехоты к концу царствования Петра Великого равнялась 54 560 бойцам; кроме того, Низовый корпус – 12 400 человек.

Конница была создана исключительно драгунского типа, способная к действиям на коне и к пешему бою.

По штату 1711 г. положено было содержать 33 полевых драгунских полка и один отдельный эскадрон, развернутый впоследствии также в полк (Кроншлотский), 30 полков было фузилерных и три гренадерских.

Драгунский полк состоял из десяти рот, причем две роты составляли

эскадрон.

Состав полка:

38 штаб- и обер-офицеров;

80 унтер-офицеров;

920 рядовых;

нестроевых 290 в полку.

В каждой роте три офицера, восемь унтер-офицеров и 92 драгуна. Боевая сила полевой кавалерии 33 тыс. человек.

Штат мирного и военного времени одинаков.

Наибольшее разнообразие наблюдается в организации артиллерии. Прежде всего материальная часть отличается многочисленностью калибров орудий. Царь Петр стремился к уменьшению числа калибров и типов орудий. Основные калибры были следующие:

3-фунтовая полковая пушка;

полевые пушки до 12 фунтов;

осадные в 18 и 24 фунта;

крепостные – разных калибров.

Полковые пушки придавались по две на полк.

Полковые орудия конных полков представляют прототип конной артиллерии. Царя Петра бесспорно следует признать творцом конной артиллерии, так как до него этого рода войск не существовало ни в одной армии.

Полевая артиллерия не имела штата. Артиллерийский корпус формировался каждый раз при намеченной операции.

В случае надобности формировались из осадных орудий особые осадные парки.

В 1712 г. устанавливается штат артиллерийского полка. В его состав вошли: одна бомбардирская и четыре канонирские роты; кроме того, инженерные войска: минерная рота, инженерная и понтонная команды.

Таким образом, этот полк можно назвать артиллерийско-инженерным.

Артиллерия перевозилась на обывательских лошадях. Личный состав артиллерийского полка не был связан ни с материальной частью, ни с лошадьми и не представлял настоящей строевой части.

Для несения внутренней службы и утверждения русской власти во вновь завоеванных провинциях Петр создал гарнизонные войска. На укомплектование гарнизонных войск поступали люди упраздненных частей старого строя и частью рекруты, не пригодные для службы в полевых войсках. К концу царствования Петра Великого имелось 49 пехотных гарнизонных полков и четыре полка и два отдельных эскадрона драгун; всего 66 тыс. пехоты и 4 тыс. конницы. С 1716 г. гарнизонные войска начинают исполнять функции запасных войск, подготавливая рекрутов для полевых частей и посылая иногда команды из своего состава для укомплектования полевых полков.

Для несения гарнизонной службы в мелких населенных пунктах, а также с целью обороны Украины от набегов татар была учреждена

ландмилиция. Она заменила городские войска старого строя. В 1723 г. было шесть конных полков ландмилиции, всего 6 тыс. человек.

Окраинное население государства выставляло в помощь регулярной армии свои особые войска: донские казаки – до 5 тыс., малороссийские казаки – до 15 тыс., слободские казаки – до 10 тыс., калмыки – до 15 тыс.

Общий состав сухопутной вооруженной силы в конце царствования Петра Великого достигал 220 тыс., из них полевых войск ок. 100 тыс.

В мирное время полки пехоты и конницы соединялись в дивизии или генеральства исключительно для удобства в административно-хозяйственном отношении. В военное время из полков заново формировались бригады, а бригады сводились в дивизии. Несколько дивизий составляли армию.

Для исполнения отдельных боевых задач армия выделяла отряды, носившие названия: корволанта (Лесная), деташемента (Шереметев па Украине), корпуса резерва.

Первые полки регулярной русской армии были укомплектованы главным образом даточными людьми, собранными со всего тяглого населения. Начиная с 1705 г. армия пополняется рекрутскими наборами. Новой повинности подлежало население только центральных великороссийских губерний. В 1712 г. видна попытка установить территориальную систему комплектования; расписываются губернии по полкам, но эта система не привилась. На военную службу не принимались люди опороченные, увечные и слабоумные. Призывной возраст, постепенно повышаясь, достиг 30 лет. Служба продолжалась до инвалидности. Приемом на службу ведали губернаторы. Так как большую часть податного населения составляли крестьяне, то элемент, пополняющий армию, отличался однородностью, был вполне национален и благоприятен как в нравственном, так и в физическом отношении.

Комплектование унтер-офицерами совершалось производством в это звание рядовых, отличавшихся знанием службы. При пожизненном сроке службы затруднений при выборе унтер-офицеров не встречалось. В 1712 г. было определено на службу в армию большое число подьячих из Сената и губернских канцелярий, «дабы могли быть в унтер-офицерах». В Москве же был сформирован из подьячих особый батальон.

При Петре Великом устанавливается новый способ довольствия армии. Все заботы по продовольствию принимает на себя правительство. Учреждаются продовольственные магазины, пополняемые подрядным способом. В конце царствования подрядный способ заменяется натуральной повинностью.

Возникшие при Петре Великом войсковые части располагались по обывательским квартирам в городах. В 1724 г. войска переместились из городов в уезды, где приступили к постройке казарм. Однако преобладающим способом расквартирования долгое время оставался, как и прежде, постой по обывательским квартирам.

В рамках реформы проводилось перевооружение. Оно завершилось к 1709 г. Пехота получила однотипное огнестрельное оружие –

гладкоствольные ружья с ударно кремневым замком и трехгранным штыком, кроме того, шпаги, тесаки, гранаты.

Наряду с реорганизацией сухопутной армии Петр приступил к созданию военно-морского флота. К 1700 г. Азовский флот насчитывал более 50 кораблей, построенных в большинстве на деньги купеческих объединений – кумпанств. Неудачный Прутский поход повлек за собой уничтожение созданного с громадным трудом первого русского флота – Азовского.

В начале Северной войны на реке Свири была создана верфь, выпустившая первые корабли Балтийского флота. Позже суда строились под руководством Адмиралтейства в Петербурге. К концу царствования Петра I Балтийский флот насчитывал в своем составе: 35 больших линейных парусных кораблей, 10 фрегатов, ок. 200 галерных (гребных) судов с 28 тыс. матросов, набранных в основном из крестьян, живших по берегам больших рек.

Ко времени издания воинского устава в 1716 г. молодая петровская армия успела пройти настоящую боевую школу и усвоить наиболее рациональные приемы полевых действий войск, опередив во многом образцовые армии западноевропейских государств. Устав 1716 г. регламентировал те приемы, которые практически усвоены были войсками в период долгой и упорной борьбы. Сущность указаний воинского устава заключалась в следующем.

Общие распоряжения по проведению разведок, походных движений и охранению высылались иногда вперед на значительное расстояние – до 150 верст. Разведывательные отряды должны были «все дороги и пасы осмотреть». Таким образом, объектом разведки являлись и местность, и противник.

Походные порядки, в зависимости от удаления противника, делились на два вида:

- 1) вдали от неприятеля,
- 2) вблизи неприятеля.

При движении вблизи врага на первый план выступала боевая готовность войск. Авангард превращался в сильный отряд с половиной всей конницы и легкой артиллерией. За авангардом следует пехота, за ней артиллерия и обозы; остальная конница составляла арьергард. Части двигались широким фронтом, обыкновенно развернутыми ротами, поэтому мобильность войск была мала.

Фланговые марши совершались в нескольких колоннах, причем колоннам придавалась артиллерия.

Отдавая дань господствующим в то время идеям в области военного дела, Петр принял для русской армии линейный боевой порядок, в две линии, но вносил в него, в зависимости от обстановки, весьма существенные поправки и в нужных случаях видоизменял этот боевой порядок настолько, что он по свойствам своим приближался к глубокому порядку. Так, в 1706 г. царь указывал Брюсу «становить в бою по ордеру баталии; буде же кому места не будет с левой руки, становись с правой, позади один другого во

столько линий, сколько ширина позволит». В первый период боя при Лесной в ожидании конницы Боура Петр строит войска в одну линию.

Артиллерия в боевом порядке не имела строго определенного места, а занимала возвышенные места, удобные для действий ее.

В Полтавском сражении во второй линии ставятся вторые батальоны полков, а в первой линии – первые батальоны тех же полков; этим нарушены были принципы линейной тактики, но осуществлялся принцип взаимной выручки «своими» на поле сражения. В инструкции, преподанной царем армии в 1713 г., перед Фридрихштадтским боем, говорится: «накрепко смотреть, чтоб друг другу секундовать... и когда неприятель пойдет на одно крыло, то другому крылу неприятеля с тылу и во фланг атаковать». В первые годы Северной войны конница в бою строилась на флангах пехоты в колоннах. В 1713 г. Петр вводит построение головных эскадронов в развернутом строю, чем достигалась большая боевая готовность конницы и возможность развить большую стремительность при атаке.

Крупнейшей поправкой к линейному боевому порядку является резерв, часто вводимый Петром Великим в бой. Военский устав требовал, чтобы резерв прикрывал крылья артиллерии и для «сикурса, где неприятельскому нападению наивяще быти чают». В Полтавском сражении мы видим кроме частного резерва, каким является вторая линия боевого порядка, еще и общий резерв – батальоны, оставленные в ретраншементе.

Обращает на себя внимание то, что Петр требует от начальников занимать такое место во время боя, чтобы сохранить возможность управления войсками, но «когда необходимая нужда того требует», предписывает начальникам служить примером доблести для войск.

Взгляд Петра на боевой порядок отличается удивительной правильностью и широтой.

По его мнению, высказанному три века тому назад, расположение войск в бою «зависит от осторожности, искусства и храбрости генерала, которому положение земли, силу неприятеля и обыкновение оного знать и потому свое дело управлять надлежит» [2, с. 231].

Все уставы и наставления того времени первостепенное внимание обращали на формирование крепкой воинской дисциплины, «доброто порядка». В это же время вводится военная присяга.

Важнейшей составной частью петровских преобразований, таким образом, являлась коренная реорганизация вооруженных сил России, создание регулярной армии и военно-морского флота.

Основными признаками регулярной армии, как известно, являются:

- постоянная военная служба как в мирное, так и в военное время;
- однообразная система комплектования, единая штатная организация и структура войск;
- одинаковое вооружение и обмундирование;
- единая система обучения и боевого применения войск, определяемая уставами;
- наличие централизованного руководства, управления и снабжения.

Целью проводимой реформы было, прежде всего, решение внешнеполитических задач, укрепление могущества империи, поддержка крепостнических порядков и власти дворянства.

В последующем вооруженные силы развивались и совершенствовались под мощным воздействием петровских реформ и практической деятельности великих русских военных теоретиков и полководцев, и прежде всего А.В. Суворова, вплоть до военной реформы 60-х гг. XIX в.

В кон. XVIII – нач. XIX в. в России шел процесс разложения феодализма. В этих условиях необходимо было сохранить политическое господство дворянства, предотвратить возможность революционных потрясений в странах Западной Европы. Немаловажный фактор, влиявший на необходимость проведения преобразований, – это длительные войны, которые вела Россия. Они показали, что противники, в частности буржуазная Франция, обладают более прогрессивной военной организацией.

Первая попытка преобразовать существующие порядки в армии была осуществлена императором Павлом I. Буквально с первых дней своего царствования он, подобно своему прадеду Петру Великому, начал реформировать всю жизнь России.

Среди преобразований императора Павла I военная реформа занимает, пожалуй, ведущее место – ведь интерес ко всему, что связано с армией, он проявлял с детства. 4 июля 1762 г. Павел был произведен Екатериной II в полковники Лейб-Кирасирского полка, а 20 декабря того же года пожалован в генерал-адмиралы российского флота.

С юных лет собеседниками Павла Петровича были известные военные деятели екатерининского царствования – З.Г. и И.Г. Чернышевы, П.И. Панин и М.Ф. Каменский, причем последние, по мнению многих исследователей, сыграли значительную роль в увлечении наследника прусской армией. Впрочем, взгляд на прусскую военную систему как на образцовую разделяли ведущие полководцы России – П.А. Румянцев, Н.В. Репнин, П.И. Панин, А.В. Суворов. Так что Павел в данном случае вовсе не был одинок. Таким образом, к нач. 1770-х гг. Павел Петрович, под влиянием как своих приближенных, так и общеевропейских настроений, сделался убежденным сторонником прусской военной системы.

В соответствии со взглядами императора Павла, высказанными им еще в бытность его наследником, а также ввиду намерения Павла держаться мирной политики и желания приблизить русскую армию к прусскому образцу, прежде всего было решено уменьшить численность армии. К концу его царствования армия состояла из полевой пехоты в количестве 204 тыс., кавалерии в составе 45 тыс., артиллерии – 25 тыс. и инженерных войск – ок. 3 тыс., всего 277 тыс. полевых войск, а с гарнизонными – 355 тыс., в то время как при Екатерине численность армии определялась в 500 тыс. человек. Наибольшему сокращению подверглась конница, а именно на одну треть своего прежнего состава [2, с. 481].

Пехоту сокращают за счет наиболее ценных элементов, а именно егерей, число которых уменьшается на две трети; трехбатальонные полки

переформированы в двухбатальонные.

Организация конницы подчиняется иноземным образцам. Карабинеры, конноегеря и легкоконные полки исчезают, а на место их являются кирасиры по прусскому образцу. Артиллерия ставится на один уровень с прочими родами войск, чем обеспечивается ей полная возможность дальнейшего усовершенствования как в организации, так и в боевой подготовке. Достигается это, во-первых, тем, что была установлена более тесная связь с другими родами войск и, во-вторых, тем, что, соединив материальную часть артиллерии с личным составом и фурштадтом, образовали впервые строевые артиллерийские части.

С формированием двух понтонных рот и пионерного полка положено прочное начало инженерным войскам.

Существовавшие при Екатерине дивизии были уничтожены. Вместо дивизий установлены были инспекции, которые представляли собой территориальные округа, включающие все роды полевых войск и войска гарнизонные. Власть над инспекцией находилась в руках трех инспекторов; один из инспекторов был для пехоты, другой для кавалерии и третий – для артиллерии.

Устав 1796 г. указывал, что при назначении инспекторов чин не должен играть никакой роли. Это было сделано исключительно для того, чтобы не имевших пока высоких чинов гатчинцев выдвинуть на должность инспекторов и тем лишить влияния старых боевых екатерининских генералов. Инспектора под страхом лишения чинов отвечали за состояние во всех отношениях полков, находившихся в их инспекции, но при этом прав и власти не имели никаких. Тем не менее инспектора на судьбу армии и отдельных частей ее имели громадное влияние. Это зависело от того, что Павел слепо доверял докладам инспекторов и по одному слову их исключал со службы как младших офицеров, так и шефов полков, не давая им даже права объясняться и оправдываться.

Еще в большей мере умалению значения старших войсковых начальников способствовало учреждение шефов полков. В каждый полк были назначены шефы из числа генералов, не получивших назначения инспекторов. Обязанности шефов были совершенно те же, что и прежних командиров полков; права же их были значительно меньше прежних командирских.

Наряду с шефами полков были и командиры полков, которые совершенно не имели никакой власти и никаких прав.

В связи с установлением шефов была принята еще одна неудачная мера, а именно: полки, не исключая гвардейских, начиная с 1796 г., взамен петровских территориальных названий, постепенно стали называться по фамилиям шефов. Эта реформа имела два крупных неудобства: во-первых, в отношении организационном, так как постоянная перемена наименования полков порождала сильную путаницу, и, во-вторых, в отношении нравственной стороны, так как при этом боевые заслуги полка и вся его доблестная служба при перемене названия как бы забывались, и поддержание

славных традиций полка делалось затруднительным.

Впрочем, на нравственную сторону в то печальное время обращали мало внимания. Недаром Аракчеев позволял себе перед строем старших, заслуженных полков их покрытые славой победоносные знамена называть екатерининскими юбками.

Та же система наименования полков в 1798 г. была перенесена на роты и эскадроны, которые приказано было называть не по номерам, как это было до сих пор, а по фамилиям их командиров. Этим только усугублялись недостатки наименования полков по шефам.

Реформой того же порядка, т.е. стремящейся к централизации в управлении войсками и к тому, чтобы подорвать значение и влияние местных начальников, явилось уничтожение дежурств, которые представляли собой подобие штаба при старших начальниках.

Последовательно развивая основную мысль этой реформы, Павел уничтожил даже канцелярии в полках. Эта мера крайне неблагоприятно отразилась на управлении войсками, особенно в военное время. Таким образом, все реформы по управлению войсками в царствование Павла были проникнуты недоверием. Это совершенно противоречило идеям Екатерины II и были продиктованы стремлением никому не давать никаких прав, нарушали связь начальствующих лиц всех степеней с войсками, не признавали работы штаба и в конечном результате привели к полному расстройству управления войсками даже в обычное мирное время.

Этими же особенностями отличаются реформы и центрального управления армии. При Екатерине в этом отношении была полная децентрализация. Главнокомандующие армиями пользовались большими правами по устройству войск, обучению, хозяйству, квартированию, производству в чины (до полковника), увольнению в отпуск, в отставку и по переводам.

Император Павел такие права главнокомандующих считал началом всего зла и все это уничтожил в первые же дни своего царствования. Его система в этом отношении была совершенной противоположностью системе Екатерины. У него начальники наблюдают, инспектируют, отвечают, но прав и власти не имеют. Павел хотел обо всем знать и все решать сам. К нему поступают все донесения непосредственно от полков, и он лично распоряжается по всем крупным и мелким делам. Все управление армией, в сущности говоря, сосредоточивается в кабинете у Павла; генерал-адъютант, его секретари, он сам – все посылают приказания непосредственно инспекторам, шефам, командирам полков, даже начальникам отдельных небольших команд – и все это потому, что он считал возможным всей армией управлять так, как Гатчинским отрядом.

Ближайшим результатом установления такой системы является увеличение объема переписки и увлечение бюрократическим началом. Да иначе и быть не могло: к Павлу поступают и от него исходят все назначения, даже самые мелкие; он сам следит за вакансиями, сам увольняет в отпуск свыше чем на 28 дней, сам разрешает вступление в брак, сам же перемещает

младших офицеров из роты в роту и т. д.

В общем, из-за чрезмерной централизации начальствующий состав обезличивается; начинают бояться пользоваться своими ничтожными правами и стремятся только угодить стоящим выше. Отсюда все внимание обращается на мелочи, а за ними упускается общее направление; да кроме того, все стараются выполнить эти мелочи, не стремясь достигнуть наилучших результатов в важнейшем – в боевой подготовке войск.

К органам центрального управления при Павле необходимо присоединить также и военно-походную канцелярию Его Императорского Величества, которая была образована в 1797 г. и во главе которой стоял Ф.В. Ростопчин. Обязанности начальника этой канцелярии состояли в том, что он должен был обо всем докладывать государю и всем передавать его повеления.

При общем направлении реформ Павла, конечно, не мог оставаться без перемен Генеральный штаб, тем более что он к началу царствования Павла был в расстройстве. Действительно, уже через неделю по восшествии на престол, а именно 13 ноября, Генеральный штаб был уничтожен; чины его переведены в строй, а карты, планы и все дела переданы генерал-адъютанту Кушелеву, под начальством которого постепенно образовалась свита Его Императорского Величества по квартирмейстерской части.

Положение свиты по квартирмейстерской части при этом было крайне неопределенным: никаких постановлений относительно обязанностей, круга деятельности, комплектования, прохождения службы не было издано во все время царствования Павла. Пополнялась свита офицерами из строя, а иногда даже людьми из других родов службы. Офицеры свиты занимались больше черчением и съемками, к службе же собственно Генерального штаба вовсе не подготавливались. У Суворова в 1799 г. вследствие этого по необходимости был австрийский генеральный штаб, хотя в армии находились чины свиты по квартирмейстерской части.

Император Павел держался мнения, что корпус офицеров для однородности и по тому характеру, каким он должен обладать, необходимо комплектовать преимущественно из потомственных дворян. Лица других сословий производились в офицеры как редкое исключение и то только после продолжительной их проверки.

Кроме производства унтер-офицеров из дворян, корпус офицеров пополнялся еще воспитанниками специальных для этой цели учебных заведений. К существовавшим в Петербурге двум кадетским корпусам при Павле прибавилось еще два таких учебных заведения, которые выпускали своих питомцев прямо в офицеры: во-первых, Императорский военно-сиротский дом для сыновей неимущих дворян и офицеров, преимущественно сирот, во-вторых, Гродненский кадетский корпус.

Одно из первых распоряжений императора Павла после вступления его на престол касалось перемены в армии прежнего, как он говорил, «мужицкого» обмундирования. По поводу обмундирования, вновь введенного императором Павлом и скопированного с прусского, Суворов

говорил; «Нет вшивее пруссаков: в шильтгаузе и возле будки без заразы не пройдешь, а головной их убор вонью своею вам подарит обморок. Мы от гадости были чисты, а она первая доука ныне солдат. Штиблеты – гной ногам» [2, с. 485].

Вооружение пехоты состояло из шпаги и ружья со штыком, но унтер-офицеры вместо ружей имели алебарды, что уменьшало число стрелков в полку на 100 человек. Егеря имели на вооружении короткий нарезной штуцер, к которому можно было примыкать кортик, обычно носимый отдельно в особых ножнах. Кортиком можно было действовать, не примыкая его к штуцеру. Вооружение кавалериста состояло из палаша, мушкета или карабина, двух пистолетов. Седло и вся остальная конская сбруя были немецкие.

Общий дух реформ императора Павла и то направление, которое установилось с самого начала этого царствования в управлении армией, уже предрешают систему обучения и воспитания войск эпохи Павла и влияние того и другого на боевую подготовку армии. Но чтобы получить полную картину по данному вопросу, необходимо хотя бы в общих чертах остановиться на уставах того времени.

29 ноября 1796 г. по предложению, данному Военной коллегии от ее президента, графа Салтыкова, было во исполнение высочайшего соизволения предписано немедленно ввести в действие вновь изданные уставы: воинский устав о полевой пехотной службе; воинский устав о полевой кавалерийской службе; воинский устав о полевой гусарской службе; воинский устав о кавалерийской службе [2, с. 486].

Объявление этих уставов уже через три недели после восшествия на престол императора Павла ясно свидетельствует, с одной стороны, о гатчинском происхождении их, а с другой – о той торопливости, с которой Павел стремился ввести новые порядки в армии, совершенно искоренив старые.

Во всех новых уставах совершенно не видно опыта ни блестящих войн предшествовавшего царствования, ни революционных войн; эти уставы разработаны, без всякой связи с духом времени и потребностями жизни, в гатчинском уединении при помощи различных штукмейстеров. Все уставы проникнуты стремлением решительно во всем ввести строгую регламентацию, дать указание на каждый частный случай при условии, что за малейшее отступление от устава строго, а часто и жестоко взыскивалось.

В общем, Павловские уставы положили у нас начало крайне мелочным требованиям в обучении армии, выдвинув на первый план не боевую подготовку, а подготовку к вахтпараду. Проникаясь с течением времени все больше и больше духом уставов, войска вскоре стали видеть венец своей подготовки в том, чтобы на смотре не сбиться с ноги, чтобы линия фронта не изогнулась, чтобы интервалы и дистанции были в точности соблюдены, чтобы общий вид части при прохождении церемониальным маршем был блестящ.

В частности, особенностями пехотного устава 1796 г. являются:

преобладающее значение в нем линейных построений, отсутствие даже упоминания о колоннах и каре, придание большого значения равнению и правильности шага, сильное развитие правил для наступательной, отступной и плутоножной стрельбы, полное отсутствие указаний о рассыпном строе.

Особенностями же кавалерийского устава были: узаконение двухшереножного строя, полнота, рациональность и последовательность одиночного обучения на коне, сокращение до разумных пределов подготовки к пехотному строю, производство эволюции непременно на галопе, хорошо развитые правила атаки.

Отрицательные стороны Павловских уставов не были уравновешены ни соответствующими инструкциями, ни практическим их применением.

К числу боевых инструкций, изданных в царствование императора Павла, нужно причислить: тактические правила, или наставление воинским эволюциям с планами 1797 г.; правила о службе кавалерийской 1796 г. и наставление генерал-майорам кавалерии 1796 г.

«Тактические правила» собственно с тактикой ничего общего не имели. В общем, они повторяли во многом пехотный устав, указывая те же строи, те же виды и способы стрельбы. Новым, по сравнению с уставом, являлись только каре, различные построения его из одного или нескольких батальонов и различные эволюции с ним.

«Правила о службе кавалерийской 1796 года» предназначались главным образом для гусар. В них более подробно, чем в уставе, излагалась сторожевая служба, которую преимущественно несли легкие войска. В виде особого приложения к «Правилам» было добавлено «Наставление генерал-майорам кавалерии 1796 года». В этом наставлении указывались обязанности генерал-майоров в сторожевой службе, во время марша и в бою.

В общем, все наставления в царствование императора Павла, касавшиеся кавалерии, развивали уставные положения, подобно тому, как это делали, и наставления, относившиеся к пехоте, но здесь они приносят больше пользы, так как сами уставы имели много положительных сторон.

Взгляды императора Павла, наложившие отпечаток на всю его эпоху, особенно неблагоприятно сказались на приемах обучения войск. Этому способствовали также положения уставов 1796 г., которые точно и безусловно определяли формы различных строев и способы перехода одного строя в другой не только элементарных единиц, но и более крупных войсковых соединений. Немалую роль в деле обучения сыграло также увлечение государя разводами, которые он признавал могучим средством для распространения в армии правильных, по его мнению, основ обучения, так как источник боевых успехов видел в идеальном исполнении тонкостей строя и в обращении войск в живую машину. Главной целью обучения становились точное, до самых мельчайших подробностей воспроизведение уставных форм и механическое движение при соблюдении самого строгого равнения и держания дистанции и интервалов.

Таким образом, постепенно воцарилось обучение ради церемониала и вахтпарада, причем малейшее отступление от буквы устава с одобрения

самого государя жестоко каралось. При таких условиях экзерциция занимает все время, эволюции же и маневры отрядов небольшого состава, разнообразные по содержанию, поучительные для войск и низших начальников, уступают место линейным учениям больших отрядов на ровной однообразной местности учениям, сводящимся к приемам механической дрессировки.

Производившиеся весьма редко маневры ничем не отличались от обычных учений, на них также главным образом стремились к воспроизведению механических движений на ограниченном пространстве. Вместо лагерных сборов в годы Екатерининского царствования установлены были сборы при полковых штабах на шесть недель.

В результате в деле обучения водворяется педантизм и крайняя односторонность, выдвигавшие на первое место внешнюю сторону в ущерб, конечно, внутреннему содержанию и убивавшие всякую самостоятельность и самодеятельность. Таким образом, нужно признать, что армия времен императора Павла как боевое орудие была несравненно хуже подготовлена, чем армия эпохи Екатерины II. Воспитание войск в царствование императора Павла было еще в худших условиях, чем обучение, так как ему не придавали никакого значения, да для него не оставалось и времени.

Взгляды Павла на конечную цель обучения армии, на средства этого обучения, на способы управления армией и на свою роль в этом, наконец личный характер государя, его нервный темперамент при своеобразном понимании степеней и пределов своей власти как самодержавного монарха – все это отразилось на системе образования войск, которая приводила к полному обезличению, шаблону, подавлению разумной деятельности исполнителей. В армии закон не уважался, властью никто не пользовался, каждый опасался принять на свой страх то или другое решение, если только оно не подсказывалось уставом. В противоположность предшествующей эпохе в армии развились грубость и унижение личности. Обращение старших с младшими, особенно с нижними чинами, стало жестоким. Наложение взысканий не регулировалось никаким законом.

При таких условиях лучшее достояние Екатерининской армии, давшее столько блестящих и искусных побед – частный почин, самостоятельность и самодеятельность, были сведены на нет. Взамен их укоренилось требование слепого повиновения и безусловного исполнения, без малейшего нарушения устава, который несомненно, однако, не мог предусмотреть всю бесконечно разнообразную обстановку деятельности.

Все это приводило к тому, что здоровые духовные основы в армии подрывались, нравственный элемент в деле боевой подготовки армии не выдвигался на подобающее ему место, высокий дух армии мало-помалу исчезал. Этому способствовал также целый ряд мер, которые умаляли выдающиеся заслуги славных боевых деятелей предшествовавшего царствования, выдвигали в первые ряды военачальников людей бездарных, непросвещенных, не имеющих за собой никаких заслуг, роняли служебное, человеческое достоинство не только нижних чинов, но и офицеров и даже

генералов. К таким мерам нужно отнести нижеследующее.

В первый же год царствования Павла I во время ничем не нарушаемого мира в стране семь генералов были произведены в фельдмаршалы. Желание дать каждому полку шефа в генеральском чине повело за собой большое производство в этот чин, причем при назначении шефов фельдмаршалы были поставлены в общий список генералов, получая такое же назначение шефами, как и только что произведенные в генеральский чин гатчинцы. Суворов по этому поводу писал: «Фельдмаршалы кассированы без прослуг в общем генералитете... В Москве я безгласен и для декорации величества».

Массе лиц из гатчинцев были пожалованы ордена без всяких видимых заслуг с их стороны. Наказание арестом даже генералов применялось крайне широко за малейшие, чисто формальные нарушения в несении службы. Нередко за ничтожные провинности офицеры и генералы исключались со службы, причем соответствующие приказы редактировались в крайне обидных и даже оскорбительных для увольняемых выражениях. Все это подрывало уважение к наградам, роняло чинопочитание, расшатывало дисциплину, ставило в первые ряды людей, совершенно не заслуживающих этого, и в то же время обесценивало людей, действительно выдающихся.

Несмотря на ряд отрицательных моментов, необходимо признать, что в целом военные реформы императора Павла сыграли значительную роль в повышении уровня боеспособности русской армии. В первую очередь, это касается артиллерии и кавалерии.

Одним из важнейших его шагов в этой области стало издание «Устава военного флота». Новый устав во многом отличался от предыдущего в лучшую сторону, но, пожалуй, главным его отличием было то, что он не имел уголовных положений, и только в немногих случаях за упущения по службе полагал арест и предание суду. Это был справедливый, гуманный, человечный устав, в нем уже не была предусмотрена на корабле должность и обязанности палача (профоса).

Кроме того, были составлены новые штаты флота, упорядочено финансирование, введено новое, более практичное обмундирование. Но основное внимание Павел уделял строительству новых и приведению в боеспособное состояние старых кораблей. Был установлен новый порядок содержания кораблей после окончания кампании при базировании их в портах в зимний период. Ответственными за содержание были определены командиры кораблей со своими экипажами. Корабли стали полностью разоружать и разгружать, вынимать мачты, корпуса покрывать дощатыми крышами, брезентовыми тентами и навесами, всячески защищать их от осадков. На кораблях была организована вахта, которая следила за состоянием трюмов, производила их осушку от фильтрационной воды, в хорошую погоду производила проветривание и просушку внутренних помещений.

За короткое четырехлетнее правление генерал-адмирала было построено ок. 20 линейных кораблей и ок. 15 фрегатов. Это было внушительное пополнение флота. Многие корабли более ранней постройки

прошли серьезный ремонт и еще длительное время находились в составе флота.

Огромное значение Павел придавал сохранению и разумному использованию корабельного леса, строго регламентировал процесс строительства кораблей, что позволило вдвое увеличить срок их службы. Одним из новшеств было повеление обшивать корпуса ниже ватерлинии медными листами для предохранения дерева от гниения. Шло активное строительство кораблей, причем гораздо более мощных, чем в предыдущее царствование – 110–130 пушечных линейных кораблей. В связи с этим активно проводилась реконструкция верфей и портов в Петербурге, Кронштадте и Севастополе.

В царствование императора Павла была сделана вторая, после Петра III, попытка в развитии русского военного искусства свернуть на чуждый нам путь заимствований с Запада. Но если при Петре III эта попытка, к счастью, не имела успеха, то, к сожалению, новый опыт на этом ложном пути, повторенном сыном Петра III, императором Павлом, имел другие результаты.

По сравнению с предыдущей блестящей эпохой царствования Екатерины Великой эпоха императора Павла характеризуется полным отказом от начал, служивших основанием в различных отраслях государственной деятельности предшествующего царствования, а именно: самостоятельности, самодеятельности и частного почина – и культивирования как раз обратного направления. Хронологическая близость двух эпох со столь противоположными направлениями неминуемо должна была повлечь за собой некоторую двойственность в характере деятельности различных частей государственной машины в царствование императора Павла и сказаться на результатах этой деятельности.

С одной стороны, устанавливается новая система в организации вооруженной силы, а главное – в деле обучения и воспитания армии, без всякого уважения к системе предыдущего царствования и к боевому опыту всей нашей предшествующей истории; с другой же стороны, на годы царствования императора Павла выпадает блестящая боевая деятельность Суворова, дающая высочайшие положительные образцы русского военного искусства.

Отмеченная двойственность и видимое несоответствие между мирной жизнью армии и ее боевой деятельностью не содержит в себе противоречия. Суворов – это отзвук блестящего царствования Екатерины Великой, его боевая деятельность и такая же деятельность армии, ему подчиненной, независимо от его гения, есть результат системы предшествующего царствования, системы, положительные результаты которой проявились, несмотря на крайне неблагоприятные для этого условия. В деяниях Суворова сказались, таким образом, живучесть и жизненность системы Екатерины, несмотря на некоторые ее недостатки. Гений Суворова, его необычайная боевая деятельность, его военное искусство чисто русского характера не могли не произвести впечатления на увлекающегося и нервного Павла, не могли не захватить его, обладающего пылкой и благородной душой.

И вот он, будучи носителем начала сосредоточения всей власти и всей направляющей деятельности в своих руках, отрицая малейшую самостоятельность кого бы то ни было в ведении дел, говорит Суворову: «Веди войну как знаешь» и «...предоставляю на совершенное распоряжение Ваше частные и случайные предприятия, коих издали предписывать не можно, а должно поручить искусству главнокомандующего, что я и делаю, не предписывая по сему Вам ничего» [2, с. 492].

Но Суворов был один. По отношению же к другим военачальникам Павел крепко держался своей системы, что было тем легче, что большая часть их не участвовала в военных действиях и могла в командуемых ими войсках без всяких препятствий насаждать вахтпарадные фокусы. С окончанием же войны с Францией и последовавшей вслед за тем смертью Суворова уже не было ничего, что могло бы сдерживать императора Павла в этом отношении, и, таким образом, создались весьма благоприятные условия для развития и укрепления в армии плац-парадных требований, которые, в конце концов, привели к убеждению, что «война портит войска».

Однако смерть императора Павла, когда еще были живы впечатления от Итальянского и Швейцарского походов Суворова, когда многие из генералов, участвовавших в этих походах, еще не сошли со сцены, были полны воспринятых от Суворова уроков и носили на себе отблеск славы великого полководца, когда, являясь учениками «российских войск победоносца», они представляли собою драгоценнейшее хранилище заветов чудесного старца, помешала на первых порах широкому и быстрому распространению и укреплению системы преемника Екатерины Великой.

Вследствие этого на первый взгляд может казаться, что все отмеченные выше отрицательные начала системы императора Павла, составляющие характерные черты и Павловских военных реформ, как будто по тем или иным причинам не имели вредного влияния на ход развития русского военного искусства. Такое мнение находит себе, казалось бы, подтверждение и в блестящей деятельности многих наших генералов в войнах в период царствования Александра I с французами, шведами и турками, в проявлении некоторыми генералами в этих войнах высокого военного искусства, а нашими войсками тех высоких качеств, которыми отличалась армия Екатерины, воспитанная на принципах разумного патриотизма, уважения к человеческому достоинству каждого, проникнутая наступательными тенденциями и духом самостоятельности, самодеятельности и частного почина

Смерть одних сподвижников Суворова, уклонение, под давлением личных интересов, от его заветов других, продолжительный мир после почти непрерывных войн, изменение душевного настроения державного вождя армии, наличие военных деятелей, желавших использовать для своих целей новый настрой властителя, – таковы те обстоятельства, которые создали благодарную почву для развития, а затем и окончательного утверждения начал военной системы императора Павла, заставив забыть заветы Екатерины, Суворова, Румянцева и других талантливых генералов.

Ситуация, сложившаяся в Европе в нач. XIX в., связанная прежде всего с резким усилением и экспансионистской внешней политикой Франции, вызвала необходимость коренного реформирования русской армии. Неудачные для России кампании 1805 и 1806–1807 гг. в составе антифранцузских коалиций, а также постоянная угроза войны на юге (с Турцией) и севере (со Швецией) показывали, что существовавшая на тот момент русская армия уже не отвечала требованиям современной войны. Во многом здесь сыграли свою роль и широко применявшиеся Францией новая тактика ведения боя и новая организация действующей армии. Руководство реформами, проводившимися в России в 1810–1812 гг. в преддверии грядущей войны с Францией осуществлял назначенный в 1810 г. военным министром генерал М.Б. Барклай-де-Толли.

В 1802 г. была проведена реорганизация центрального военного управления. Вместо Военной коллегии и Адмиралтейств-коллегий, созданных еще Петром I, создаются Военное и Морское министерства, а бывшие коллегии преобразовываются в совещательный орган при министрах. Среди военных и морских министров того времени такие крупные военные деятели, как генералы М.Б. Барклай-де-Толли, А.И. Горчаков, А.А. Аракчеев, сыгравший значительную роль в укреплении русской артиллерии, адмиралы Н.С. Мордвинов и П.В. Чичагов.

В ходе преобразований подверглась изменениям организационная система русской армии, а также была значительно увеличена численность вооруженных сил. Возросло число пехотных и кавалерийских полков, а также артиллерийских рот. Армия получила единообразную организацию: с октября 1810 г. все три батальона мушкетерского полка стали состоять из одной гренадерской и трех мушкетерских (в гренадерских полках – фузилерных, в егерских – егерских) рот. Новые формы ведения войны также вызвали необходимость создания постоянных крупных воинских соединений – пехотных и кавалерийских дивизий (образованы в 1806 г.) и корпусов (образованы в октябре 1810 г.), что дало возможность значительно улучшить управление войсками в ходе боевых действий.

В пехоте и кавалерии постоянным войсковым соединением стала дивизия, которая состояла из 2–3-х бригад двухполкового состава и артиллерийской бригады. Дивизии сводились в корпуса – высшие соединения как в пехоте, так и в коннице. Корпус имел, как правило, две дивизии и две артиллерийские бригады. Корпуса объединялись в армии. Так, в начале 1812 г. войска были сведены в 8 пехотных, 4 кавалерийских корпуса и два казачьих отряда и распределялись между 1-й и 2-й Западными, 3-й Резервной и Дунайской армиями [1, с. 15]. Увеличилось число егерских полков, способных вести бой в рассыпном строю.

19 марта 1812 г. дивизии были распределены между вновь организуемыми армиями – 1-й и 2-й Западными (в мае к ним добавилась также 3-я Резервная Обсервационная). Коснулись преобразования и внутренней структуры вооруженных сил России: окончательно завершено начатое еще в 1802 г. выделение инженерных частей в самостоятельный вид

войск, более четкую и рациональную организацию получила артиллерия.

Русская армия в 1809 г. получила на вооружение более совершенное 7-линейное кремневое ружье, что позволило ввести обучение войск прицельной стрельбе.

Одновременно был принят целый комплекс мер по улучшению довольствия нижних чинов, приема и обучения рекрутов. В марте 1811 г. были установлены новые правила комплектования нижними чинами гвардейских, гренадерских и кирасирских полков – в эти части должны были теперь по возможности набираться не рекруты, а солдаты, уже имевшие опыт военной службы.

Важным шагом в упорядочении управления войсками было создание штабов корпусов и дивизий. Конференция, созданная при министерстве под председательством Барклая-де-Толли, разработала «Учреждение для управления Большой действующей армией» (оно было утверждено императором в 1812 г.) Этот документ стал первым в истории русской армии положением о полевом управлении войск во время военных действий. Среди прочего оно предусматривало создание должностей главного доктора, главного медика и главного хирурга, координирующих работу полковых лекарей и фельдшеров, подвижных лазаретов и медицинских складов. Важнейшим положением «Учреждения» было определение прав и обязанностей главнокомандующего – он назначался приказом императора по армии и обладал высшей властью в армии из прилегающих к театру военных действий губерниях. Приказы главнокомандующего, как в армии, так и всеми гражданскими чиновниками пограничных областей и губерний, должны исполняться как Высочайшие именные повеления. Он мог назначать и снимать военных чиновников и командиров соединений любого ранга, отрешать от должности и предавать военному суду, мог производить из унтер-офицеров в офицеры, разжаловать и производить в офицерские чины до капитана включительно, мог награждать орденами низших степеней и заключать перемирие.

В 1811 г. был введен новый Устав о пехотной службе, в котором значительное внимание уделялось ведению прицельной стрельбы. «Стрелок должен быть уверен, что сколько у него пуль в суме, столько он несет смертей неприятелям», – говорил генерал П.П. Коновницын.

Фактически именно в ходе этих реформ была создана упорядоченная военная разведка России. Учреждение Военно-ученого комитета положило начало систематическому сбору сведений об иностранных армиях. Этому комитету были подчинены военные агенты – дипломатические военные представители при посольствах в зарубежных странах. Первым органом военной разведки стала Экспедиция секретных дел при Министерстве военно-сухопутных сил, созданная по инициативе М.Б. Барклая-де-Толли в январе 1810 г. В январе 1812 г. ее переименовали в Особенную канцелярию при военном министре. По его мнению, Экспедиция секретных дел должна была решать следующие задачи: ведение стратегической разведки (сбор стратегически важных секретных сведений за рубежом), оперативно-

тактической разведки (сбор данных о войсках противника на границах России) и контрразведки (выявление и нейтрализация агентуры противника). Первыми руководителями военной разведки России поочередно становились три близких к военному министру человека: с 29 сентября 1810 г. – флигель-адъютант полковник А.В. Воейков, с 19 марта 1812 г. – полковник А.А. Закревский, с 10 января 1813 г. – полковник П.А. Чуйкевич.

В 1811 г. из внутренних губернских батальонов была создана внутренняя стража. Ее задачей была охрана государственного порядка, несение караульной и гарнизонной службы и выполнение полицейских обязанностей. Внутренняя стража подчинялась Военному ведомству, возглавлялась инспектором и делилась на округа (те, в свою очередь, подразделялись на бригады, а последние – на губернские батальоны). Уже после окончания войны с Францией в 1815 г. внутренняя стража была переименована в Отдельный корпус внутренней стражи, при котором в 1817 г. были сформированы жандармские дивизионы и команды. Личный состав внутренней стражи пополнялся прежде всего за счет людей, признанных негодными к строевой службе. В 1864 г. внутренняя стража была упразднена, а вместо нее сформированы местные войска.

Выход Франции на русские рубежи вызвал и довольно значительные изменения в организации пограничной стражи. В 1810 г. Барклай-де-Толли провел инспектирование западной границы и сделал вывод о неудовлетворительном состоянии ее охраны. В условиях надвигавшейся военной опасности невозможно было защитить российские рубежи небольшими разъездами вольнонаемной Таможенной пограничной стражи (кроме того, иностранные купцы продолжали беспрепятственно проникать на территорию России со своими товарами, лишая государственную казну доходов). Предложения Барклая-де-Толли по усилению охраны границы были приняты и легли в основу утвержденного в январе 1811 г. «Положения об устройстве пограничной стражи». Этот документ предусматривал разделение границы от Палангена (Паланга) до Ягорлыка (более 1600 верст) на 150-верстные участки. Их охраняли 8 полков донских и 3 полка бугских казаков. Границу от Ягорлыка на Днестре до устья Днепра прикрывала кордонная стража. Казачья стража полностью оправдала себя накануне и в ходе Отечественной войны 1812 г., т. к. казачество всегда было незаменимым в охране границы, когда главным являлось решение военно-оборонительной задачи (с наступлением периода мира пограничная стража была вновь реформирована).

Проведенные М.Б. Барклаем-де-Толли в 1810–1812 гг. реформы существенно повысили боеспособность русских войск накануне Отечественной войны 1812 г.

Была проведена реорганизация Министерства военно-сухопутных сил: в соответствии с утвержденным в 1812 г. «Учреждением» (разработанным Комиссией для составления военных уставов и уложений во главе с М.Л. Магницким), вместо Военной коллегии и экспедиций создавались: Совет министра, Общая канцелярия, Особенная канцелярия, Артиллерийский,

аудиторский, инженерный, медицинский, провиантский и инспекторский департаменты, Общее по армии дежурство, Дежурство по рекрутской части, Военно-топографическое депо, Военно-ученый комитет.

Некоторое усовершенствование получила система подготовки офицерских кадров. Усложнение военного дела потребовало повышения уровня специальной подготовки офицеров, расширения сети военно-учебных заведений. В нач. XIX в. открылись Главное инженерное и Михайловское артиллерийское училища. Появляются первые военно-учебные заведения штабной службы – Петербургское и Московское училища для колонновожатых и школа подготовки офицеров по квартирмейстерской части. Эти училища были рассчитаны на 4-летний срок обучения, причем наряду с военными изучались также и общеобразовательные дисциплины.

После окончания войны и восстания декабристов наступили годы реакции. Ярким подтверждением тому в армии явилось введение военных поселений – прямого порождения аракчеевщины. В широком масштабе военные поселения начали создаваться в 1816 г. и просуществовали до 1857 г. Цель их создания – сокращение расходов на содержание армии в мирное время. Но они не оправдали надежд самодержавия. Наоборот, тяжелое положение поселенцев приводило к частым восстаниям. В армии восстанавливались палочная дисциплина и бессмысленная муштра.

К сер. XIX в. на состоянии русской армии все более сказывалась экономическая и техническая отсталость страны. На вооружении основной массы русских войск были устаревшие гладкоствольные кремневые ружья. Попытки путем сокращения срока службы солдат с 25 до 20 лет создать запас военно-обученных резервов не дали ожидаемых результатов.

Вследствие этих причин Россия, несмотря на героизм русских воинов, потерпела поражение в Крымской войне 1853–1856 гг. Требовалось проведение решительных военных реформ.

Источники использованной литературы:

1. Бескровный, Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке [Текст] / Л.Г. Бескровный. – М.: Наука, 1973.
2. История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. [Текст]. – СПб: СХЮ «Издательство «Полигон», 2003.
3. Ключевский, В.О. Русская история. Кн. 4 [Текст] / В.О. Ключевский. – М.: «Мысль», 1995.